

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904-1905 ГГ. И ИНФОРМАЦИОННЫЕ БАТАЛИИ

И. В. ЮДИН

М. А. КОРОЛЕВ

Поражение Российской империи было закономерным. Высший командный состав российской армии оказался неготовым к ведению военных действий. Многие генералы были слабо знакомы с новыми видами вооружений и тактикой современного боя. Боевые действия показали, что материальная часть армии, ее техническая оснащенность оказались значительно ниже предъявляемых к ним скромных требований. Война выявила плохую боевую подготовку сухопутной армии. Военно-морской флот России выполнял в ходе войны в основном оборонительные функции. Попытка использовать его для решения самостоятельной стратегической задачи окончилась разгромом 2-й Тихоокеанской флотилии в Цусимском сражении.

Информационно-пропагандистская политика государства 1904-1905 гг. была также ниже требуемого уровня, несмотря на все попытки органов власти различным образом влиять на русскую печать. На фоне довольно грамотной информационной политики Японии, во многом направленной на всестороннее превеличение своих успехов в войне, явственно проявились недоработки правительства, как в формировании единого информационного пространства на территории Российской империи, так и в политике государства по освещению войны на международной арене.

Русско-японская война 1904-1905 гг., проходившая в условиях политической нестабильности в стране, вскрыла многие проблемы как в военном строительстве, так и в информационной политике, прежде всего, в функционировании средств массовой информации.

КАНУН ВОЙНЫ: ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА...

Свободу слова в России начал вводить император Александр II в т. н. эпоху облегчения. Власть проявила готовность мириться с иными мнениями, принимать во внимание конструктивные идеи, исходящие непосредственно от общественности, и признавать право населения оказывать сильное влияние на принятие социально необходимых управленческих решений.

В начале 1859 г. министр народного просвещения Е. П. Ковалевский подготовил записку «О гласности и печати», которая впоследствии легла в основу циркуляра императора, объявившего о заинтересованности в освещении средствами массовой информации злоупотреблений и беспорядков, хотя при этом была отмечена неприкосновенность самодержавия и его аппарата. Данное решение помогало власти получать информацию о деятельности государственных учреждений и о социально-экономической обстановке в стране - своеобразную об-

ратную связь. Документ стал не только большим прорывом в информационной политике Российской империи, но и послужил основой для разработки законодательства государства в этой области и регулирования деятельности СМИ.

В январе 1859 г. организуется негласный комитет по книгопечатанию, целью которого было формирование с помощью печатных СМИ позитивного политического имиджа власти и продвижение идей, благоприятствующих достижению государством и обществом единой общей цели. На комитет возлагались многие функции, присущие современным пресс-службам - как создание информационных поводов органами власти, так и работа с обращениями журналистов к ним за материалами. Начал выходить в свет официальный печатный орган правительства - газета «Северная почта», которую в известной степени можно считать прародительницей современной «Российской газеты»: она получила, к примеру, право первой публиковать все законодательные акты государственной власти.

Правительство одобрило «Временные правила о цензуре и печати от 6 апреля 1865 года»¹, официально отказавшись от тотальной предварительной цензуры.

Провозглашенная свобода слова ослабила самодержавие, в чем был убежден государь Александр III. При нем возобладало мнение, что Россия не готова к

демократическим преобразованиям и свободе слова.

В августе 1882 г. были утверждены новые «Временные правила о печати», согласно которым, к примеру, решения о закрытии издания рассматривали не суды, а Совецание трех министров: внутренних дел, народного просвещения, юстиции - и обер-прокурор Синода. Вместе с тем, увеличивалось число запретов на освещение конкретных тем, например, нельзя было публиковать сведения о неприязненном отношении крестьян к помещикам, о беспорядках в университетах, «тенденциозные» сведения о внутренней жизни учебных заведений².

ОГРАДИТЬ НАРОД ОТ «ЗЛОНАМЕРЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ» НЕ УДАЛОСЬ

Ко времени вступления на престол императора Николая II в обществе усилились настроения в пользу политических реформ. В 90-е гг. XIX в. на территории Российской империи выходило большое число изданий либерального, консервативного, марксистского и народнического направлений. Периодика достаточно свободно обсуждала еще недавно закрытые темы государственного управления и парламентаризма, прав человека и свободы слова.

Правительство всячески стремилось оградить народ от влияния «злонамеренной пропаганды». Но в новых условиях этого было недостаточно.

Россия вступила в полосу широкомасштабных социально-политических потрясений.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ...

Военные силы России были значительно больше, чем у Японии. К 1904 г. она имела 1135-тысячную армию и 3,5 млн запасных и ополченцев. Царское правительство не верило, что маленькая Япония первой нападет на Россию, и поэтому держало основную массу сухопутной армии у западных и южных границ.

Проблема заключалась еще и в низкой пропускной способности железных дорог, особенно Транссибирской магистрали. Поэтому к началу войны Россия сосредоточила на маньчжурском театре военных действий только 98 тыс. военнослужащих.

Непосредственно к месту боевых действий к концу войны было отправлено 1294566 российских солдат и офицеров, 2238 орудий³. Но было уже поздно.

Япония подготовилась к войне значительно лучше. Действующая армия Японии насчитывала к тому времени 143 тыс. солдат и 8 тыс. офицеров. Армия была обучена немецкими инструкторами и хорошо вооружена.

Наравне с сухопутными войсками, активное участие в войне приняли и военно-морские силы. Их мощь в начале века определялась, прежде всего, числом броненосцев. Этот класс судов не только обеспечивал оборону морских рубежей, но и позволял оказывать воздействие на внешнюю политику государства.

Царский флот на Дальнем Востоке состоял из 75 боевых единиц общим водоизмещением в 192276 т, японский насчитывал около 100 единиц водоизмещением в 260931 т. Преимущество японского флота заключалось в том, что его корабли были построены и оснащены на основе последних достижений морской техники, в то время как русский флот, несмотря на отпущенные огромные средства на его строительство, имел значительное число кораблей устаревшего типа, вооруженных артиллерией, уступавшей по своей мощности японской. Построенные для России за границей корабли отличались низким качеством при огромной стоимости вследствие хищений морских чиновников, входивших в соглашения с иностранными верфями.

Тихоокеанский флот, являвшийся основным участником бо-

евых действий на море, оказался намного слабее японского как по вооружению, так и по техническим качествам самих кораблей. Наши корабли были слабее бронированы, обладали низкой непотопляемостью и имели меньшую скорость.

Даже в трагическом Цусимском сражении, где против 30 русских боевых кораблей, включая 5 броненосцев, японцы выставили 120 кораблей, решающую роль, по мнению «величайшего со времен Нельсона английского адмирала» того времени А.Фишера, сыграл не столько огромный перевес сил противника, сколько быстрходность его кораблей. Японцы опережали русских на 6-7 узлов и совершили классический морской маневр, направив все свои пушки на боевые корабли передовой линии 2-й Тихоокеанской эскадры (они были построены в виде буквы Т)⁴.

К тому же орудия на японских кораблях по скорострельности в 2 раза превосходили русские, а русские снаряды содержали всего лишь 2-3% взрывчатого вещества, в то время как японские - 11-12%. Ударные трубки были совершенно неудовлетворительной конструкции и очень часто отказывали, в результате чего снаряд превращался в допотопное ядро⁵.

...КАДРЫ

Война выявила много проблем в системе подготовки российских военных кадров. Опыт боевых действий показал, что ряд офицеров Генерального штаба имели слабое представление о тактике современного боя, были недостаточно знакомы с тактико-техническими свойствами современного оружия, особенно артиллерии, а главное, плохо владели навыками организации планирования и руководства отдельными сражениями. Следствием беспричинного отступления наших войск стала боязнь командованием фланговых охватов, в результате чего военачальники из-

бегали соприкосновения с противником.

Участник и исследователь русско-японской войны генерал М.В. Грулёв отмечал, что «при таких качествах командования войсками А.Н.Куропаткина и его помощников исход войны не мог быть иным даже и в том случае, если бы в отношении тактической подготовки воюющие армии поменялись местами, т. е. если бы русскому командному составу... дали лучшую армию в мире, она, даже при сравнительном превосходстве в силах, всё же была бы разбита, потому что у начальников не хватало ни решимости, ни твёрдой воли, ни понимания важнейших факторов ведения войны»⁶.

Одна из причин такого явления видится в том, что политическое руководство страны, выдвигая

СНАРЯД - ДОПОТОПНОЕ ЯДРО

на высшие командные должности военачальников, руководствовало чаще всего не их деловыми качествами, а симпатиями и антипатиями.

Офицерский корпус русской армии в целом оказался на высоте, однако в его тактической подготовке обнаружилось серьёзные пробелы. Лучшим образом проявили себя кадровые офицеры и зауряд-прапорщики, произведенные из унтер-офицеров и фельдфебелей. «Что касается до прапорщиков и зауряд-прапорщиков, произведённых за боевые отличия из нижних чинов, - писал Куропаткин, - то они оказались элементом прекрасным во всех отношениях»⁷. Худшей частью офицерского состава, отмечал он, были прапорщики запаса.

Весьма серьёзные недостатки в подготовке русских войск отмечались в труде по истории Русско-японской войны, в котором приводятся оценки английского генерал-лейтенанта Гамильтона сражения на реке Ялу 18 апреля (1 мая) 1904 г. Упомянув о незначительных потерях со стороны

японцев, он объяснял это плохой стрельбой русской пехоты. По его мнению, она открывали огонь слишком поздно и со слишком близких дистанций; наш солдат был неумелым стрелком, причины чего он видел в недостаточных навыках в одиночной стрельбе и в увлечении залпами.

Слабым местом в обучении войск оказалась и подготовка одиночного бойца. Решать эту проблему без введения всеобщего начального образования практически было невозможно. «В Манчжурии, - писал один из участников боевых действий, - отсутствие индивидуального развития отдельного бойца дало себя знать. Голова неразвитая, голова беспомощная, и там, где не было управления, где недоставало на глазах у нижнего чина офицера-руководителя, там наш простолюдин по-

корно подставлял себя под удар японцев или безотчетно, бессознательно шёл назад, сам не зная куда, зачем, лишенный хоть каких бы то ни было признаков понимания, что происходит кругом»⁸. Вместе с тем, в условиях массированного огневого воздействия, с чем пришлось впервые столкнуться нашим войскам в боевых условиях на Дальнем Востоке, роль отдельного бойца неизмеримо возрастала.

Низкой оказалась и боевая подготовка личного состава русских кораблей, зато высокой - пассивность высшего командования. Долговременное отсутствие практики совместного маневрирования кораблей сказалось особенно при прорыве эскадры из Порт-Артура во Владивосток 28 июля 1904 г. Попадание снаряда в боевую рубку «Цесаревича», нарушившее управление кораблём и выведшее из строя почти весь штаб командующего, привело русскую эскадру в расстройство. Не потеряв в бою ни одного корабля, она отдельными группами, отбивая ночные минные атаки,

вернулась к утру следующего дня в Порт-Артур.

Однако боевой дух русских моряков был высоким. Один из офицеров крейсера «Аврора» писал о поведении матросов в бою: «Наши команды держались в бою выше всякой похвалы. Замечательное хладнокровие, находчивость и неустрашимость проявлял каждый матрос... Они заботились не столько о себе, сколько о своих командирах, предупреждая о каждом неприятельском выстреле, прикрывая в момент разрыва собой офицеров. Покрытые ранами, кровью матросы не оставляли своих мест, предпочитая умирать у орудий»⁹.

ВОЙНА ИНФОРМАЦИОННАЯ

Государственной информационной политика Японии военного периода целиком и полностью была ориентирована на освещение боевых действий. Хотя власть заявляла о свободе слова и о полной открытости государства для иностранных журналистов, на деле существовала жесточайшая цензура. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» в марте 1904 г. писала: «В первые дни войны Япония объявила, что, не имея причин что-либо скрывать, она дает свободный доступ корреспондентов всего света... Япония оказала им блестящее гостеприимство, и, созвав их в Токио, поместила всех вместе в одну гостиницу, специально для них нанятую... Но эта любезность очень дорого обошлась доверчивым гостям. Они попросту оказались в плену, так как телеграммы и письма их цензуруются строжайшим образом, и все, что правительству Японии нежелательно, не пропускается»¹⁰.

Таким образом, сохраняя видимость полной информационной открытости, японцы сосредоточили всю иностранную прессу в одном месте, с минимальными затратами и максимальной эффективностью управляя всеми

информационными потоками по освещению войны в необходимом для них ракурсе.

В России каждая газета 1904-1905 гг. содержала в себе долю официальной информации, к которой относились правительственные телеграммы, циркуляры и пр.

Ярким проявлением полностью официальных изданий была сибирская пресса. К примеру, несмотря на свою полуофициальность, газета «Томские губернские ведомости» за 2 года военных года не представила читате-

в прессе Европейской части России, в частности, Москвы. К примеру, анализ публикаций газеты «Московские ведомости» показывает, что издание находилось в полной зависимости от цензурных органов, публикуя на протяжении всей войны лишь официальные документы, статистические выкладки, а также статьи, описывающие военные действия без элементов аналитики.

Примерно такой же характер носят и публикации «Русских ведомостей». Однако на страницах

ЯПОНЦЫ СОБРАЛИ «В КУЧУ» ВСЮ ИНОСТРАННУЮ ПРЕССУ

лям ни одного своего материала, хотя бы описательного характера.

В непосредственной близости от места событий - в Чите - официальная пресса, представленная газетой «Забайкалье», на протяжении длительного времени демонстрировала классический тип подачи информации. Это официальный, дежурная информация описательного характера, попытки аналитики в виде оценочных материалов. Характерно обилие интервью с самого разного рода военными - от высокопоставленных офицеров до простых солдат, которые были непосредственными участниками боевых действий. Немало было в газете и негативной информации, обличающей малодушие некоторых русских солдат и дезорганизацию армии.

В самой же Манчжурии, в частности в Харбине, в месте дислокации войск Российской империи, власти мало влияли на местную российскую прессу. В большинстве случаев публикуемые материалы носили критический характер, раскрывая недостатки обеспечения и организации вооруженных сил. Газета «Манчжурия» подвергала критике организацию войск, их оснащение, «канцелярскую волокиту», которая «только разливает неудовольствие» среди солдат.

Иным образом дело обстояло

этого печатного издания, наряду с официальной информацией и описанием событий того времени, можно все же заметить попытки каких-то оценочных материалов. Так, в июле 1904 г. газета писала: «Злоупотребление японцами Красным Крестом снова имело место 26-го июня. Когда на передовой линии был ими поднят флаг Красного Креста, наши войска немедленно прекратили огонь по этому месту, но, как оказалось, японцы устанавливали артиллерию на позицию в самой непосредственной близости от флага и затем открыли оттуда огонь»¹¹.

Принципиально иная подача информации прослеживается в прессе Санкт-Петербурга, ярким примером чего может служить газета «Санкт-Петербургские ведомости».

С одной стороны, ее материалы четко ориентировали на укрепление духа патриотизма в массах. Характерно начало одной из многочисленных публикаций военного времени: «Право, без чувства бесконечной гордости нельзя думать о наших морях. Какое молодецкое дело - это отражение последней атаки!»¹².

В то же время газета довольно резко критикует состояние русских войск. При этом упор делался на ссылки в зарубежных СМИ и на комментарии иностранных экспертов, что позволяло редак-

ции в определенной степени снять с себя ответственность за опубликованные материалы. Правда, она изобличала и пропагандистскую кампанию Японии, направленную на дискредитацию русских войск перед мировой общественностью: «Японская и японствующая печать не унимается. Одна выдумка сменяется другой, еще более сенсационной и невозможной...»¹³.

В то время, как власти Японии хитростью и расчетливостью ориентировали свои средства массовой информации на однобокую подачу информации в пользу своей страны, а зарубежные СМИ нередко проглатывали японские информационные «утки» и поводы, Российское государство с трудом пыталось построить единое информационное пространство на своей собственной территории.

Провал информационно-пропагандистской политики царской власти сыграл свою, хотя и не столь заметную, роль в распространении пораженческих настроений в армии и в стране в годы Русско-японской войны.

¹ ПСЗ Российской Империи. Собр. II. Т. 40. Отд. I. № 41988. СПб., 1867, с. 396-420.

² Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903, с. 137-138.

³ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М., Наука, 1986, с. 11-12.

⁴ Massie Robert K. Dreadnought. Britain, Germany, and the Coming of the Great War. N.Y., Random House, 1991, p. 474.

⁵ Шацко К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны. М., Наука, 1968, с. 45.

⁶ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий 1881-1903. М., Мысль, 1973, с. 339.

⁷ Там же, с. 341.

⁸ Галкин М. Беседа с офицерами // Братская помощь. 2.01.1907.

⁹ Александровский Г. Цусимский бой. СПб., Русская симфония, 2005, с. 203.

¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости, 3.03.1904.

¹¹ Русские ведомости, 2.07.1904.

¹² Санкт-Петербургские ведомости, 15.03.1904.

¹³ Там же, 2.03.1904.